

мелкия колочки, онъ ловко пробѣжалъ пальцами по струнамъ балалайки, задвигалъ плечами и заохалъ веселымъ стономъ въ ладъ съ балалайкой:

— „Охъ, охъ, о-охъ, пять—умирать, и но пять—умирать, мы пить будемъ и гулять будемъ, когда смерть придетъ — помирать будемъ... Охъ, охъ, о-охъ, помирать будемъ!“

Потомъ Морковинъ вызвалъ ударами пальцевъ по декъ балалайки какой-то необычайно подзадаривающей виртуозный трескъ и, тронувъ слегка наборщика за плечо, воскликнулъ:

— Эхъ, милъ-человѣкъ, такъ, что ли? а? Чего ты заснулъ? Чего на себя напустилъ? Все зря, безъ пользы! Ужъ повѣрь мнѣ!

Всѣ посело засмѣялись. У наборщика было сердитое лицо, уголки губъ его дрожали такъ, точно онъ собирался сказать тоже что-то сердитое, но передъ нимъ уже торчалъ корявый палецъ Онисима, и слышался его голосъ:

— Чошь-молчокъ! Слышали, все зря, безъ пользы... Запомни: это тебѣ сказалъ Яковъ Петровичъ! А ужъ онъ зря не скажетъ.

Наборщикъ закрылъ глаза.

— Можеть, безиконитъ тебѣ? — участливо наклонился Морковинъ надъ наборщикомъ. — Если такъ — скажи, уйдемъ въ другое мѣсто.

Наборщикъ не отвѣтилъ; только чуть приоткрылъ глаза и покосился на балалайку.

— Ага! — торжествующе произнесъ Морковинъ и опять задвигалъ плечами, смѣнивъ свой бархатный басъ на пѣвучую фистулу и какъ-то разудало-изнеможенно выкрикнулъ этой фистулой:

— Охъ, ахъ, ахи—охъ!

Отъ этого выкрика всѣ вздрогнули, точно всѣхъ огнемъ ожгло. Морковинъ прищурилъ глаза, усмѣхнулся вдругъ покрасѣвшими, какъ кровь, губами и лихо заигралъ барыню.

— „Ахъ, барыня съ переборомъ — ночевала подъ заборомъ“, — выводилъ онъ все той же фистулой и поглядывалъ на проходъ между койками.

Минута — и въ этотъ проходъ выскочилъ Онисимъ, махнулъ платкомъ и тоненькимъ женскимъ голоскомъ вызывающе кинулъ:

— Ну-ка парень противъ дѣвки — вѣдь не все надъ ней издѣвки: ну-ка въ плясѣ совладай!

Въ кучѣ солдатъ произошла суматоха, потомъ оттуда вырвался, точно вытолкнутый, молодой парень съ перевязанной рукой.

Онисимъ, изображая „дѣвку“, то игриво откидывался отъ „парня“, жеманно въ то же время подманывая его къ себѣ платкомъ, то вновь наступалъ на него грудью и, дѣйствуя ногами въ ладъ съ балалайкой, кокетливо приговаривалъ:

— „Охъ, што ятъ, што ятъ, да мой мужъ не хорошъ: шелудивый, аквернорожій, на чертяку всѣмъ похожій — для молодки не пригожій“.

Парень тоже не сдавалъ, то ныряя въ корпусомъ, то приѣдая и выдѣлывая ногами мудренныя штуки. Изъ дежурной комнаты, махая руками, прибѣжала сестра, а за ней сидѣлка. Сестра кричала, что плясать нельзя, но ея никто не слушалъ. Съ возбужденными лицами, съ горящими глазами, солдаты внились взглядомъ въ плясуновъ и сыпали въ стройный топотъ ногъ поджигающіе взгляды:

— Дѣлай, дѣлай! Не сдавай, Петруха.

— Онися, уважь. Сыпь погорячѣе, въ ротъ те малина за ухватку!

— Такъ, такъ его, Онися! Брей его со лба и съ затылка!

— Не очень-то обреешь. Петруха, не выдавай калуцкихъ! Петруха старался.

— Эхъ, въ ротъ те дышло, разорюсь на послѣдній грошъ! — крикнулъ онъ и присоединилъ къ ногамъ здоровую руку, заставляя ее выдѣлывать тоже мудренныя штуки.

Нѣсколько паръ рукъ въ тактъ „барынь“ дружно били въ ладоши. По временамъ, покрывая и топотъ ногъ, и битые въ ладоши, и возгласы, раздавался басъ Морковина:

— Э-эхъ, уноси ты мое горе во чьето помо!

Растерянная сестра наконецъ кинулась къ Морковину.

Какъ будто не понимая, чего она отъ него требуетъ, Морковинъ взглянулъ на сестру остро-веселыми, какъ въ пьяномъ угарѣ, глазами и, бросивъ въ минуту играть, сказалъ:

— Эхъ, сестрица дорогая, насчетъ того, чтобы сплясать да потреникатъ на балалайкѣ, я вамъ вотъ что повѣдаю: сколько ни было во всей моей округѣ плясуновъ да ирокровъ — всѣмъ очки давалъ. На этотъ счетъ у меня, бывало, шалши; никому не уступлю! А теперь вотъ, какъ видно, крышка; теперь черезъ афтошь сѣдательный нервъ-то, должно-быть, посмотривай, какъ другіе пляшутъ, а самъ-то подожди. Попавоваль, значить, покуралесалъ и довольно!

И въ послѣднихъ словахъ Морковина было такъ много кричащей, отчаянной скорби, отъ которой сестра растерялась окончательно.

— Да и что, — забормотала она: — я-то ничего. Вотъ только докторъ... что онъ скажетъ?

Морковинъ какъ будто не слышалъ, что сказала сестра; онъ тряхнулъ кудрями, вскрикнулъ опять веселымъ стономъ: „Охъ, ахъ, ахи-охъ!“ и заигралъ на балалайкѣ.

Онисимъ съ молодымъ парнемъ плясали до изнеможенія.

И, какъ замороженные, смотрѣли на плясуновъ всѣ: раненые, сестра, сидѣлка и даже наборщикъ.

(Окончаніе будетъ).

Какъ въ Англии вербуютъ добровольцевъ.

Очеркъ К. Чуковского. (Съ 9 рис. на стр. 551, 552 и 553).

Три милліона англійскихъ солдатъ находятся сейчасъ подъ ружьемъ. Мировая исторія не знала такого грандіознаго числа добровольцевъ. И замѣчательно: почти вся эта армія собрана при посредствѣ мятинговъ, афишъ, объявленій, рекламъ. Собиратель этой арміи, военный министръ лордъ Китченеръ, обнаружилъ изумительный организаторскій даръ: онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы выставить противъ Германіи новыя кадры солдатъ. Афиши, которыми онъ вербовалъ добровольцевъ,

отличаются большою эксцентричностью. Нѣкоторые изъ нихъ воспроизведены здѣсь, на страницѣ 552.

На одной афишѣ — солдатская фуражка и подпись: „Если эта фуражка по васъ, сегодня же ступайте въ солдаты!“

На другой въ очень соблазнительномъ видѣ представлены шотландскіе стрѣлки:

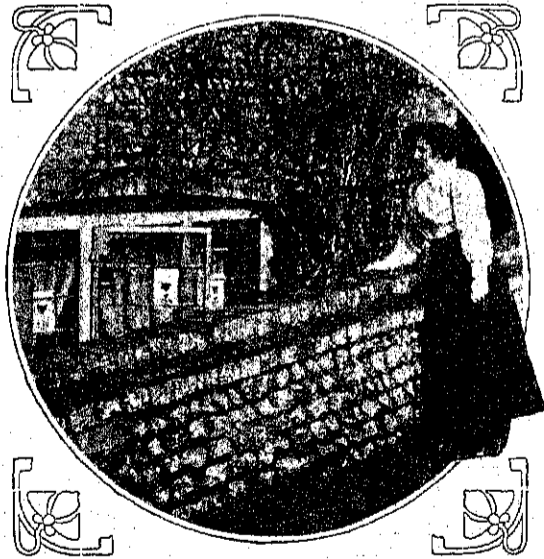
„Стройся, ребята! Запишишь сегодня!“

Заслуженные дома въ Англии. На окнахъ этихъ домовъ помѣщены почетные листы съ крестами, удостоверяющіе, сколько солдатъ пошло изъ cadaго дома добровольцами на войну.

Почетный листъ съ крестомъ, удостоверяющій, что данная семья дала родинѣ солдата.

Заслуженные дома въ Англии. На окнахъ этихъ домовъ помѣщены почетные листы съ крестами, удостоверяющіе, сколько солдатъ пошло изъ cadaго дома добровольцами на войну.

На третьей изображень часовой:
„Стой! Кто идет? Если друг, то сию же минуту ступай в английскую армию и помоги нашим молодцам воевать!“
На четвертой — тьснал фалаанга солдатъ съ зяюцимъ про- бьломъ посрединъ:

„Это мьето оставлено для подходящаго парня. Не хочешь ли заполнить это мьето? Оно какъ разъ для тебя!“

Иные изъ этихъ плакатовъ трогали своей патетичностью. Нарисованъ старикъ-ветеранъ, провожающій на войну молодого солдата:

„Хотѣлъ бы я быть помоложе, чтобы тоже пойти на войну!“

Кромѣ Китченера, главнымъ вербовщикомъ английскихъ добровольцевъ является, — какъ это ни дико звучитъ, — кайзеръ Вильгельмъ! Онъ какъ будто специально затѣлъ нападетъ на беззащитные английскіе городишки, топитъ женщинъ, убиваетъ дѣтей, чтобы усилить и ускорить притокъ солдатъ въ армию лорда Китченера. Единственнымъ послѣдствіемъ пиратскаго набѣга германской эскадры на английскій прибрежный курортъ Скарборо было то, что разнѣванные англичане стали тысячами записываться въ армию.

Лордъ Китченеръ удачно использовалъ

**HALT! Who goes there?
IF YOU ARE A FRIEND
JOIN THE BRITISH RANKS
AND HELP THE BRAVE LADS
AT THE FRONT**

Многіе английскіе магазины, конторы, гостиницы помогаютъ Китченеру въ его пропагандѣ. Вотъ, напримеръ, фотографическій снимокъ съ знаменитаго лондонскаго Карльтонъ-отели, кото-

Стройся, ребята! Запишись сегодня!

Если эта фуражка по васъ, сегодня же ступайте въ солдаты!

рый веб свои балконы украсилъ такими огромными многосажеными вывѣсками:

„Къ оружію!“
„Вы нужны родинѣ и королю!“
„Британцы! За свободу и честь нашей родины!“
„Занимитесь въ армию только на время войны!“

„Мы сражаемся за правое дѣло!“
И такъ дальше. Но рядомъ съ этими эксцентрично-патетичными обра- щеніями къ націи, военное министерство издаетъ и другія воззванія — официальные, сухія, дѣловыя, печатающіяся въ английскихъ газетахъ на ряду съ другими объявленіями. Вотъ одно изъ подобныхъ воз- званій (см. стр. 553):

„Вашему королю и вашей родинѣ пужны еще 100.000 человекъ. При нынѣшнихъ серьезныхъ обстоятельствахъ нужно, чтобы еще сто

Это мьето оставлено для под- ходящаго парня. Не хочешь ли заполнить это мьето? Оно какъ разъ для тебя.

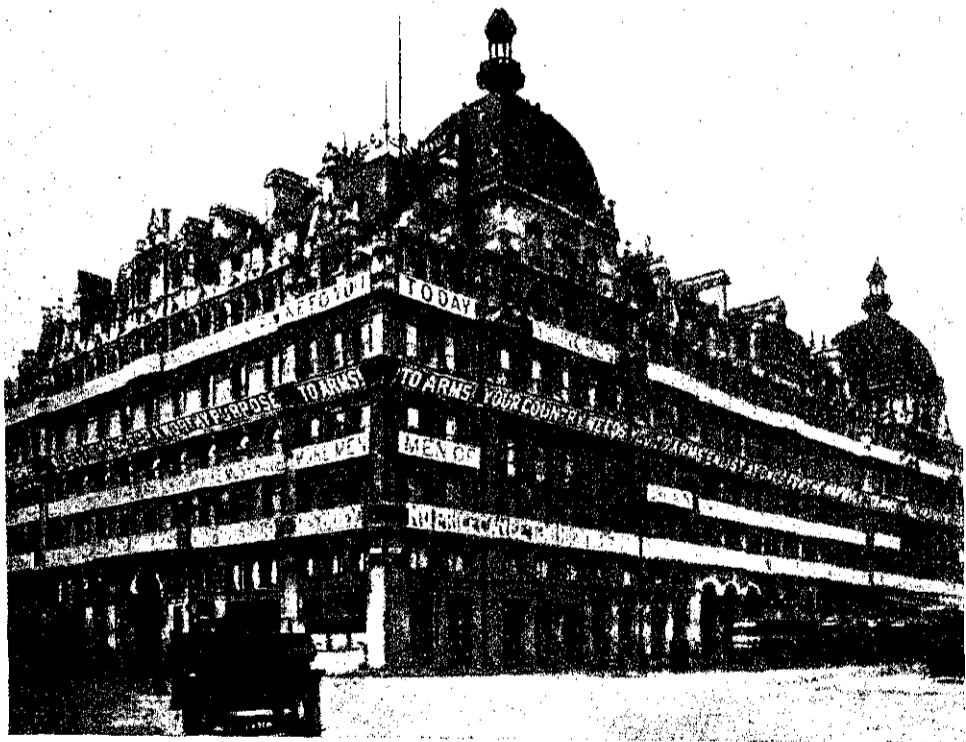
этотъ праведный гнѣвъ народный. На одной изъ его афишъ нарисо- ванъ разрушенный пылающій го- родъ, и на первомъ планѣ Британія, въ видѣ опечаленной женщины, обра- щается къ английскимъ юношамъ:

„Помните Скарборо!“
На другой афишѣ изображень, по фотографіи, тотъ домъ въ этомъ го- родѣ, гдѣ нѣмецкимъ снарядомъ убито четверо мирныхъ, безответныхъ обы- вателей.

„Британцы! Развѣ вы допустите это?“ — спрашиваетъ афиша съ уко- ромъ.

Какъ въ Англіи вербуютъ добровольцевъ въ войска. Афиши, планаты и вывѣски на улицахъ Лондона и другихъ городовъ съ призывомъ къ населенію итти въ ряды войскъ на общаго міроваго врага.

Стой! Кто идет? Если друг, то сию же ми- нуту ступай въ англий- скую армию и помоги нашимъ молодцамъ воевать!

Одна изъ крупнѣйшихъ гостиницъ въ мірѣ — отель Карльтонъ въ Лондонѣ, украсившій свои балконы огромными сажеными вывѣсками съ надписями: „Къ оружію!“ „Вы нужны родинѣ и королю!“ „Британцы, за свободу и честь нашей родины!“ и т. д.

G. R.

**Your
King & Country
need another
100,000 Men.**

IN the present grave national emergency another 100,000 men are needed at once to rally round the Flag and add to the ranks of our New Armies.

Terms of Service
(Extension of Age Limit):
Age on enlistment 19 to 38. Ex-Soldiers up to 45. Minimum height 5 ft. 4 ins. except for ex-soldiers and those units for which special standards are authorised. Must be medically fit. General Service for the War.
Men enlisting for the duration of the War will be able to claim their discharge, with all convenient speed, at the conclusion of the War.

Pay at Army Rates.
Married men or Widowers with Children will be accepted, and if at the time of enlistment a recruit signs the necessary form, Separation Allowance under Army conditions is issuable at once to the wife and in certain circumstances to other dependents.
Pamphlet with full details from any Post Office.

How to Join.
Men wishing to join should apply in person at any Military Barrack or at any Recruiting Office. The address of the latter can be obtained from Post Offices or Labour Exchanges.

God Save the King.

Воззвание английского военного министерства к населению о наборе новых 100.000 добровольцев в армию.

Мамы некоторых захолустных городов выдают даже особые отличия, почетные листы, аттестаты семьям добровольцев-солдат. На этих почетных листах, украшенных изображением креста, сказано, что такой-то солдат "служит королю, отечеству, империи" — и эти листы выставляются в окнах, как предмет особой гордости и славы. Иные окна бывают увешаны тремя, четырьмя и нередко пятью аттестатами, по числу ушедших в армию членов семьи. Чем больше этих аттестатов, тем больше почета. К таким домам — особое уважение, и как конфузятся те, у кого на окне не ввешено ни единой бумажки! На наших снимках (см. стр. 551) изображены такой почетный лист с крестом и представлены окна домов, которые украшены этими крестами — "георгиями" английских семей. Вот мать, которая дала "королю, родине, империи" всех своих четырех сыновей. Вот другая, у которой оба сына и муж — все трое ушли на войну...

Волченочъ.

Рассказ Н. Роминского.

(Продолжение).

Батальонный, хорошо говоривший по-немецки, повернулся к германцу и спросил:

— Почему вы не хотите, чтобы доктор осмотрел вашу рану? Услышав родную речь, немец вздрогнул и быстро повернулся к батальонному; заглянув его лицо опять потускнело, и он сухо и упрямо сказал:

— Ich will nicht.

Доктор понял и несколько раз повторил:

— Ихъ виль-нихтъ, ихъ виль-нихтъ, — а пусть скажет, почему виль-нихтъ? Скажите, пожалуйста, этому дураку, что я доктор и свое дело знаю, разницы же между своим и чужим не делаю. Пусть он будет спокоен, ихний немец тоже не сдѣлает перевязки лучше, чемъ я; еще съ университета хирургия была мой любимый предмет. Объясните, пожалуйста.

Батальонный повторил сказанное докторомъ, но прежнее упрямое выражение не сходило съ лица германца.

Доктор развел руками:

— Нѣтъ, дѣйствительно какой-то дуракъ!

Потомъ повернулся к фельдшеру и сказал:

тысячъ человекъ встали вокругъ британскаго знамени для усиления нашихъ ново-сформированныхъ армій.

Условия службы: возрастъ — отъ 19 до 38 лѣтъ. Изъ бывшихъ на службѣ опытныхъ солдатъ принимаются до сорокалѣтняго возраста, минимумъ роста — 5 футовъ, 4 вершка. Больные и увѣчные не принимаются.

Тѣ, кто идутъ въ солдаты только на время войны, тотчасъ же по ея окончаніи будутъ освобождены отъ солдатчины.

„Боже, храни короля“.

Не удивительно ли, что на такіе призывы откликнулось три милліона добровольцевъ.

Впрочемъ, добровольцы — не совсѣмъ точное слово. Подъ наискомъ общественнаго мнѣнія, этой мужественнѣйшей въ Англіи силы, многие идутъ въ добровольцы почти поневоле. Здоровыхъ мужчинъ, оставшихся дома, не внявшихъ призыву Китченера, окружаетъ теперь общее презрѣніе. Имъ стыдно показаться на улицахъ: ихъ называютъ трусами, измѣнниками. Тысячи карикатуръ, эниграммъ клеймятъ ихъ въ газетахъ и журналахъ. Наоборотъ, тѣ, кто пошелъ на войну, пользуются теперь необыкновеннымъ почетомъ, а вмѣстѣ съ ними и все ихъ родственники — матери, сестры, отцы.

— Снимите съ него штаны, а если не послушается, то я позову санитаровъ, пусть свяжутъ его.

Фельдшеръ рѣшительно подошелъ къ раненому, но тотъ быстро повернулся и ударилъ его по протянутой рукѣ. Фельдшеръ не ожидалъ этого и отдернулъ руку:

— Ишь, чортовъ волченочъ! Еще укуситъ!

Въ операционную вошли еще одинъ докторъ, офицеръ и начальникъ санитарнаго отряда. И докторъ пожаловался имъ. Начальникъ санитаровъ считалъ себя знатокомъ нѣмецкаго языка и обратился къ раненому. Онъ говорилъ, путая нѣмецкія слова съ французскими, но лицо волченка было безстрастно и зло-середоточенно, какъ и прежде. Когда санитаръ кончилъ, онъ громко и отчетливо сказалъ:

— Ich will nicht.

Санитаръ тогда тоже развелъ руками:

— Ну, и упрямецъ же этотъ мальчишка! Настоящій волченочъ! Право!

Посмотрѣвъ кругомъ и спросилъ:

— Что же вы будете дѣлать?

Другой докторъ, высокій и угрюмый, посмотрѣвъ неподобья и сказалъ:

— Не хочеть, и чортъ съ нимъ!

Но старый докторъ былъ добрее:

— Конечно, чортъ съ нимъ, но пусть дастъ хоть рану перевязать.

И онъ повернулся къ раненому:

— Heilen, heilen, — понимаете, — heilen...

И въ этотъ моментъ вспомнилъ самое настоящее слово: kurieren, — лѣчить и обратился къ нѣмцу:

— Фусъ куриренъ, фусъ! Куриренъ, фербинденъ, — и веревочкой, бывшей у него въ рукахъ, обвязывалъ свою руку, чтобы воочию показать, какъ будетъ ему перевязывать рану.

Фельдшеръ протянулъ руку, чтобы разстегнуть брюки нѣмца, ему надобно были разговору, — но волченочъ быстро повернулся, — фельдшера онъ боялся больше всѣхъ и сдѣлалъ за нимъ, — повернулся и ударилъ. На этотъ разъ ударъ пришелся по кости выше локтя, и фельдшеру сильно заболѣло, онъ сдѣлалъ злое лицо и замахнулся на нѣмца, но докторъ во-время схватилъ его руку. Фельдшеръ отошелъ въ сторону и сталъ тамъ съ видомъ оскорбленнаго равнодушія.

Но поведение нѣмца разсердило и докторовъ, и старый докторъ позвалъ санитаровъ, чтобы придержать раненаго.

Увидя двухъ входящихъ здоровыхъ солдатъ, раненый понялъ, что его хотять перевязать силой, и быстро заговорилъ, повернувшись къ батальонному:

— Я не хочу, я не хочу, — и уже самъ перевязалъ свою ногу. Я знаю, какъ перевязывать, и у меня былъ перевязочный матеріалъ...

Батальонный перевелъ его слова, но басилъ объ уже перевязанной ранѣ мало вѣрилъ. Высокій докторъ захотѣлъ все-таки удостовериться и протянулъ руку, но юноша быстро повернулся: поджимая ногу, онъ, вѣроятно, почувствовалъ сильную боль, потому что его лицо судорожно сжалось, и онъ, блѣднѣя, закусилъ нижнюю губу. Но, несмотря на эту боль, онъ все-таки успѣлъ ударить доктора по рукѣ и ударить довольно больно.

Докторъ, не ожидавшій этого, отскочилъ, разсердился и приказалъ санитарамъ связать больного.

Когда санитары двинулись къ нему, не успѣвъ прикрыть блѣдностью лицо раненаго, онъ повернулся къ батальонному и, отталивая рукой санитаровъ, жалко заговорилъ:

— Слушайте, слушайте, — идите сюда, идите, вы же вѣдь человекъ...

Батальонный подошелъ къ молодому нѣмцу. Тотъ потянулся, обхватилъ голову батальоннаго рукой и притянулъ къ себѣ. Затѣмъ, сильно волнуясь и тяжело и прерывисто дыша, нагнулся къ его уху, началъ что-то говорить, но вдругъ откинулся назадъ и замолчалъ.

— Что онъ скажетъ? — одновременно спросили оба доктора.

Генералъ-майоръ Алексій Степановичъ Потоповъ, отбившій съ двумя батальонами латышскія нападенія нѣмцевъ на Митаву. Латышскія общества поднесли генералу Потопову золотую саблю съ надписью „за храбрость“.